

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психоанализ и интерьер

А. А. Калдина

Калдина Александра Александровна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт, интерьерный журналист.

Символы и метафоры, связанные с жилищем, сопутствовали психоанализу буквально с момента его создания: пациентка Брейера Анна О. свое лечение разговорами шутливо называла «очисткой труб». Может быть, стоит более пристально рассмотреть жилище, архитектуру и интерьер с точки зрения психоанализа? В этой статье проводится теоретический анализ психоаналитических работ классиков психоанализа, а также современных психоаналитических работ, в которых содержится информация о взаимосвязи психики человека с его жилищем, архитектурой, бытом, домашней обстановкой и предметами интерьера. Полученная информация и сделанные на ее основе выводы применяются к сведениям о современных представлениях об интерьере, жилище и среде.

В основе статьи лежит мысль, что любые действия, которые индивид совершает со своим жилищем, любые события, которые происходят с местом, где он живет, а также предметы, технологии и стилевые особенности, которые окружают его, имеют свою интерпретацию, которая всегда имеет отношение к тому, что происходит в бессознательном этого индивида.

Ключевые слова: психоанализ, влечение к жизни, влечение к смерти, материнские символы, психосексуальность, материнская утроба, дом, убежище, интерьер, архитектура.

О смысле и значении архитектуры, жилища, пространства и дома в жизни человека и общества уже давно говорят психологи, социологи, философы. Соответствующие работы есть у Гастона Башляра, Жана Бодрийера, Софьи Нартовой-Бочавер и многих других исследователей. Идея о том, что архитектура как часть культуры и искусства может «лечить», начала звучать еще в 2000-х годах. «Архитектура может стать мощным началом в новой форме психоаналитического лечения. Она может стать сценой

для человеческих снов и желаний, выполняя свой собственный виртуальный анализ» (MacCannell, 2005). Тем не менее эта тема по-прежнему считается малоизученной, а в психоанализе внимание ей уделяется только косвенно.

В работах классиков и современников психоанализа речь постоянно идет о пространстве как об участнике процесса или части кадра, при этом под термином «пространство» обычно подразумевается нечто виртуальное, воображаемое. Но физическое пространство, то есть жилище, дом и интерьер анализанда, тоже отражает его бессознательное и колебания в его психической реальности. Так, мы предполагаем, что метафорический язык жилища и его интерьера, который звучит в психоаналитической работе, не только может и должен подвергаться своей специфической интерпретации, но и способен значительно помочь психоаналитику в его работе, давая обширный материал о пациенте/анализанде и создавая дополнительное поле для исследования бессознательного человека.

Жилище как символ противостояния влечений к жизни и влечений к смерти

В статье «О нарциссизме» Фрейд говорит о выборе объекта: по нарциссическому типу мы выбираем самого себя, то, чем были прежде, или то, чем хотели бы быть (Фрейд, 2018в). Можно сказать, что дом – это объект, и в зависимости от жизненного этапа, работы в психоанализе и возраста он становится воплощением нас самих в одном из трех проявлений или даже во всех трех сразу. Даже до создания интерьера мы выбираем определенное жилье, и у каждого из нас свои требования. Мы наполняем свое жилище множеством деталей, которые всегда отражают нас самих в настоящем, прошлом и будущем. В каком-то смысле это происходит психически, но и физически тоже. Дом – это своего рода Идеал-Я, и индивид устраивает его так, как хотел бы устроить сам себя, его дом будет в совершенстве обладать теми качествами и способностями, которых самому индивиду либо не хватает, либо они для него особенно важны. И эти способности можно найти во всем: конкретных комнатах, функциях, стилистических особенностях, мебели и декоре, планировке, расположении, размерах, здании и местности, в которой это здание находится.

В статье «Неудовлетворенность культурой» Фрейд сравнивает психику человека с городом – Римом. Он говорит о том, что в любом городе старые здания со временем разрушаются и им на смену приходят новые, но вы все равно можете обнаружить руины предыдущих поколений или как минимум встретить их упоминания в книгах (Фрейд, 2018б). Не случайно Фрейд назвал именно город: любое строение, тем более целая инфраструктура, – это всегда дело рук человека, его интеллекта и, конечно, бессознательного. И если город – дом для целого народа, то отдельное здание или квартира – дом для отдельного человека или семьи. В течение жизни мы переезжаем из одного места в другое, делаем ремонт, покупаем новую мебель, но в каждом новом интерьере сохраняются наши самые первые ощущения и впечатления, полученные в родительском доме.

И если поначалу мы жили в условиях, созданных для нас нашими объектами, то позже мы сами начинаем создавать условия для себя и своих детей, опираясь на полученный в детстве опыт. А потому в каждом интерьере мы можем разглядеть самое первое жилище владельца или по крайней мере его собственную репрезентацию этого жилища.

Фрейд прекрасно описывал психическую систему в виде жилого пространства (Фрейд, 2020). Он говорил о том, что в передней (предсознательном) «копошатся душевные движения», которые «страж» впускает или не впускает в гостиную, то есть, если перевести с языка метафор на язык реальности, в сознание. Это очень емкое сравнение описывает типичную ситуацию, в которой гостей действительно приглашают именно в гостиную, но, как правило, не пускают в другие комнаты или, по крайней мере, испытывают неловкость, когда гость оказывается в личных пространствах хозяев. Перед приходом гостей личные вещи владельцев дома часто убираются как можно дальше, наводится порядок, скрываются следы «жизни».

В современных интерьерах пространство выстраивается таким образом, чтобы гости или случайные посетители не могли попасть в семейную зону или, по крайней мере, не увидели ничего лишнего и не потревожили тех, кто находится в уединении. Зато в общей зоне, так сказать, в зоне «сознания», все устроено так, чтобы гости чувствовали себя как дома, а владельцы могли не переживать, что покажут гостям что-то лишнее. Но настоящей искренности в столовой или гостиной вы не увидите. Она прячется в ванной комнате, в гардеробе, на туалетном столике и в ящиках рабочего стола, а также под одеялом. И именно туда жители дома стремятся попасть, и именно там они чувствуют себя в безопасности, могут делать, что хотят, – совсем как «душевные движения» в бессознательном. Эту часть дома никто никогда не увидит, мы найдем хозяев только в «сознательной» части, где они всегда аккуратно одеты, хорошо выглядят и улыбаются. Строго говоря, гостиная не удовлетворяет никаких основных потребностей человека, как спальня, кухня и туалет, а служит связующим звеном между индивидом и внешним миром, принимает те части владельца, которыми он готов поделиться для начала со своей семьей, а затем и со всеми остальными.

Возможно, аналитик, слушая рассказы анализанда о его жилище, может сделать выводы о детстве и самого раннем опыте анализанда, о его душевных переживаниях? Можно ли при помощи психоанализа создать «целебный» интерьер или, наоборот, разрушающий? «Известно ведь, что при помощи избавителя от забот можно в любой момент уйти от гнета реальности и найти убежище в собственном мире, где царят лучшие условия для восприятия ощущения» (Фрейд, 2018б, с. 156). Здесь речь идет о наркотиках как о самом легком способе достичь счастья, но наше внимание привлекает в первую очередь слово «убежище». Ведь что наш дом, если ни убежище? В каком-то смысле родной дом – это тоже наркотик, ведь мы всегда туда возвращаемся, нам трудно расставаться надолго, и становится легче, когда мы внутри. И именно дома нас ждут лучшие условия для восприятия ощущений. О тех, кто не может выдерживать

реальность, Фрейд говорит, что они стремятся поменять этот мир на другой, который бы больше соответствовал их желаниям и представлениям (Фрейд, 2018б, с. 160). Таким образом он описывает отшельников и монахов, а в обычной жизни и собственный дом может стать для нас таким безопасным миром. Фрейд утверждает, что каждый человек хоть немного, но хочет справиться с этой реальностью и создать себе волшебный мир, в котором все хорошо. Речь идет в первую очередь о новой психической реальности, но дом и интерьер могут стать для нас физическим представлением этой реальности. Жизненное счастье ищется в наслаждении прекрасным, что, конечно, не спасает от страданий, но может во многом их компенсировать. Получается, что прекрасный интерьер действительно может служить опорой и объектом, позволяя нам отыгрывать свою психическую реальность во вполне осязаемом физическом мире.

Целое государство считается успешным и здоровым, если все отрасли и структуры в нем работают без перебоев и на пользу человека (Фрейд, 2018б). Именно в таком государстве, в таком обществе люди учатся заботиться не только о пользе и практичности. Окна в квартирах украшены цветочными горшками, появляются парки, скверы, клумбы, которые не разрушаются, рождается понятие красоты, то есть чего-то бесполезного, эфемерного, но очень важного для психического равновесия. Мы хотим видеть признаки чистоты и порядка, для нас чистота – это признак культуры, признак здоровья и спокойствия. И хотя в основе существования и жизнедеятельности человека изначально лежит тяга к беспорядку, этот тонкий баланс между порядком и беспорядком как раз показывает уровень психического здоровья человека. Речь идет не только о стране, но и о доме конкретного индивида, где отсутствуют или присутствуют бесполезные вещи, где есть порядок или нет, где уделено или не уделено особое отношение гигиене и чистоте. Именно подобные культурные стремления толкают вперед общество, причем на любом этапе его развития. Даже древние люди около 170 тысяч лет назад старались выбирать оптимальное место для очага в своей пещере. Это помогало, во-первых, эффективно использовать огонь, во-вторых, не задымлять «помещение» (Kedar et al., 2022).

Именно под влиянием культуры появилась наша потребность в сублимации, то есть в переносе наших влечений в творческую среду. Жилище, таким образом, становится настоящей ареной для сублимации, где все наши желания могут быть исполнены без страха и стыда перед обществом. Но, как сказал Фрейд, «культурный человек возможность счастья променял на гарантированную безопасность» (Фрейд, 2018б, с. 199). Дом дарит нам эту безопасность при условии, что мы будем держать себя в культурных рамках и находить культурные способы выражения своих желаний и получения удовольствия, удовлетворения своих потребностей.

Что касается табу, которые обычно выражаются в запретах, то их также можно встретить в современном быту и интерьерах. Эти «запрещения большей частью касаются стремления к наслаждению и свободе» (Фрейд, 2018д, с. 267). Здесь мы можем вспомнить красивый сервиз, который используется только по праздникам, дорогие предметы декора, к которым

нельзя прикасаться, старые и сломанные вещи, которые нельзя чинить и выбрасывать, потому что они «принадлежали бабушке». Все эти предметы имеют сакральный смысл, выразить в словах который иногда просто невозможно. Запреты могут быть более сложными и глубокими: запрет на комфорт и удобство, на современные технологии, на яркие цвета, на эпатаж, на более дорогие предметы интерьера и т. д.

Желание наложить табу передается нам от предков и часто не имеет никакого практического смысла. И если изначально этим табу преследовалась логичная цель, то со временем она забывается следующими поколениями или не осознается. Фрейд приводит на эту тему пример пациентки, для которой было «невозможно» пользоваться предметом обихода, купленным на Оленьей улице, потому что он напоминал ей о бывшей подруге, которая в девичестве носила фамилию Олень (Фрейд, 2018д, с. 275). По аналогии с этим принципом у нас есть одежда для особых случаев, пачка денег в сейфе «на черный день» и куча коробок в кладовке (вдруг пригодится!). Иногда такое отношение к священным предметам принимает крайние формы, выражаясь, например, в собирательстве. Таким образом мы желаем обезопаситься от злых сил и от наказаний «свыше».

Фрейд сравнивает обычаи наложения табу с симптомами невроза навязчивости, говоря о страхе прикосновения, наслаждение от которого оказывается под запретом. Он говорит также об амбивалентности в отношении табу, когда нам больше всего хочется нарушить запрет, но мы страшно этого боимся. В контексте темы этого исследования можно предположить, что дизайн интерьера помогает взглянуть на эту проблему другими глазами и позволяет бессознательно завоевать свою территорию, отказавшись от лишних запретов и табу, которые влекут к смерти.

Каким именно образом мы физически получаем удовольствие или наказание от интерьера? Фрейд говорит о том, что зона глаз дарит нам особенное чувство возбуждения, связанное с красотой, и то же самое нам дарят прикосновения, которые рождают удовольствие, которое нуждается в удовлетворении и требует еще большего удовольствия (Фрейд, 2018а). Прикосновения усиливают удовольствие и возбуждение, которое мы получаем глазами. Если предположить, что интерьер – это объект, причем идеальный объект, то и он тоже может стать причиной удовольствия и желания получить удовлетворение при помощи глаз и при помощи прикосновений руками. О глазах догадаться нетрудно: любое искусство, например живопись, кино или скульптура, в первую очередь дарят нам приятные ощущения на уровне органов чувств, особенно глаз. Что касается тактильности, то не зря картины и музейные экспонаты в галереях защищены стеклом и ограждениями. Все, что прекрасно, нам хочется ощутить как можно полнее и глубже, хочется дотронуться, чтобы получить еще больше удовольствия.

А вот интерьер дарит нам право не только получать удовольствие глазами, но и возможность прикасаться, получать от этого прикосновения удовольствие и делать это так часто, как хочется. Наслаждение вызывает потребность в еще большем наслаждении, а значит, разнообразие в тактильных ощущениях – залог удовольствия. Справедливо это и для интерьера,

и современные производители мебели и интерьерных материалов заботятся о том, чтобы их клиенты могли получить максимум удовольствия от своего интерьера. Один из самых дорогих и известных производителей диванов в мире, итальянский бренд Edra, славится гипертрофированным вниманием к прикосновениям и удовольствию от них. Один из знаковых продуктов бренда – диван дизайнера Франческо Бинфаре под названием *Pack* (см. *рис. 1*). Он представляет собой стилизованную льдину, на которой дремлет белый медведь из нежнейшего экомеха. Получается огромная мягкая игрушка, с которой приятно обниматься.

Фрейд говорит об ощупывании и разглядывании как о фиксации предварительных сексуальных целей (Фрейд, 2018а). Он говорит, что понимание красивого коренится в сексуальном возбуждении. Задержка на этой сексуальной цели помогает нам направить либидо на художественные цели. Конечно, сюда можно отнести все красивое, необычное и привлекательное, в том числе интерьеры, архитектуру, мебель, декор, искусство, ремесло. В современном дизайне интерьеров существует множество маркетинговых ходов и художественных решений, которые цепляют человека и заставляют его желать прикоснуться и смотреть на предмет бесконечно.

Говоря об ощупывании, мы должны упомянуть, что некоторые участки кожи особенно остро реагируют на прикосновение, и особое влияние имеют температурные раздражения. Фрейд говорит, что, зная это, мы поймем терапевтическое действие теплых ванн (Фрейд, 2018а). И действительно, тепло, особенно от прикосновения воды, действует на нас расслабляюще. Ванна, полная воды, – это первая и главная отсылка к тем ощущениям,

Рис. 1. Франческо Бинфаре, *Pack*, Edra

которые мы испытывали, находясь в материнской утробе. Это удовольствие во многих обществах людям приходилось отвергать либо ставить его на последнее место. Так было, например, в Средневековой Англии, где вода считалась главным переносчиком болезней. Это касалось и жителей бывшего советского пространства, а ценность ванной комнаты как полноценного помещения в доме обозначилась буквально в последние десять-двадцать лет.

Ребенку достаточно просто оказаться в воде, чтобы получить удовольствие, но взрослому требуется разнообразие, игра, есть желание превратить удовольствие от теплой воды в своеобразную мастурбацию. Поэтому современная ванная комната становится все больше похожа на игровую комнату для взрослых, где количество возможных впечатлений растет пропорционально появлению новых технологий и фантазии производителей.

Там же Фрейд рассказывает о механических возбуждениях. Он говорит, что ощущения тряски и раскачивания влияют на кожу, мускулатуру и вестибулярный аппарат, о том, что дети стремятся к играм, связанным с раскачиванием и повторением одних и тех же движений (Фрейд, 2018a). Мерное покачивание в материнской утробе, затем на руках и в кроватке трансформируется в большую любовь к качелям и каруселям, затем к поездкам в поезде и машине, а во взрослом возрасте воссоздать эти ощущения в интерьере помогают кресла-качалки, беговые дорожки, маятники часов, душевые струи и т. д. При этом скрипучие качели портят все удовольствие, резкое торможение поезда или автомобиля раздражает, громкий бой часов может напугать. Ведь в материнской утробе такого не было, там всегда был покой и повторялось одно и то же без раздражителей. А вот если однообразие вызывает слишком неприятные ощущения, напряжение, неудовольствие, то это может быть сигналом психотичности. В контексте интерьера это может быть монотонность, порядок, покой, которые вызывают отторжение, в окружении которых очень трудно жить. Так интерьер и становится либо угнетателем психического состояния и заставляет отказываться себе в удовольствии, либо, наоборот, приходит ему на помощь.

Главный и самый приятный способ раскачивания для взрослых – это, конечно, секс. И важнейшей составляющей для секса можно назвать кровать, частую героиню фантазма о первосцене. В культуре и искусстве часто можно встретить упоминания скрипа кровати как главного свидетельства полового акта. Скрипучая кровать часто рождает ассоциации со стыдом, скрытностью, загадкой, неудобный жесткий матрас ассоциируется с дискомфортом во время секса. Чем больше развивается общество, тем больше внимания люди обращают на удобство кровати и уединенность спальни. Если в былые времена сексом занимались на сеновале или на деревянной скамье и даже в присутствии посторонних людей, то теперь нам важно ощущение полной уверенности в безопасности. Теперь помимо физического комфорта важен и психический, и не только обитателей спальни, но и хозяев других комнат и даже соседей за стеной. Современные производители кроватей и матрасов внимательно следят за

этими изменениями в обществе и реагируют на них новыми технологиями.

В последние десятилетия все жесткое, скрипучее и неприятное покидает кровати. Началом новой эры в мире спальни можно назвать 1978 год, когда итальянский бренд Flou представил вниманию публики кровать Nathalie, созданную легендарным дизайнером Вико Маджистретти (см. рис. 2). Это была первая в мире полностью текстильная кровать, она сразу шла в комплекте с матрасом, подушками, одеялом и постельным бельем. Все было уже идеально подобрано, покупателю оставалось только выбрать расцветку. Nathalie до сих пор производит фурор и часто занимает почетное место на мебельных выставках. Можно предположить, что именно такие кровати вызывают у нас ассоциации с материнской утробой, где всегда мягко, ничего не гремит, не скрипит и не мешает, такое ложе кажется абсолютно безопасным, ведь в нем можно «раскачиваться» бесконечно, и никто не помешает получать удовольствие.

Все эти взрослые проявления влечений к жизни и смерти в интерьере, конечно, родом из детства. И замечать их можно гораздо раньше, чем индивид получит свой собственный дом и научится выбирать мебель. Винникотт говорит, что одни люди живут творчески и им это нравится, а другие не могут жить творчески и потому в ценности жизни сомневаются. Он утверждает, что эти различия напрямую связаны «с количеством и качеством опеки и заботы со стороны социального окружения» на ранних этапах жизни (Винникотт, 2017, с. 97). Ребенок заполняет пространство игры продуктами своего творческого воображения (Винникотт, 2017). Физически это пространство можно представить в виде комнаты, а творчество – в виде всего, что ребенок делает в этой комнате. И вот тут стоит

Рис. 2. Вико Маджистретти, *Natalie, Flou*

обратить внимание на комнату и на то, сколько в ней индивидуальности. Традиционно, в кино, например, и часто в реальности, комната ребенка полна игрушек, а комната подростка – одежды, украшений, книг, плакатов, там могут быть спортивные снаряды, музыкальные инструменты, фотографии, декор. Все эти вещи можно называть переходными объектами, которые помогают пережить сепарацию от родителей. Если же комната ребенка или подростка не выделяется из общего интерьера, то это должно вызывать тревогу. Винникотт говорит, что это происходит в ситуациях, когда нарушена надежность окружения. И, скорее всего, это было сделано еще на ранних стадиях развития ребенка, когда его пространство на самом деле никакое не его. Винникотт говорит, что такое пространство заполняется, но вкладывать в него будет кто-то другой, а не сам ребенок. Это пространство становится ребенку чужим. Винникотт, конечно, в первую очередь рассуждает о психическом пространстве, но его рассуждения отлично вписываются в тему нашего исследования. Вот почему в том числе мы интересуемся тем, была ли у анализанда своя комната или ему приходилось делить пространство, не мешал ли ему кто-то «играть». У взрослых анализандов их интерьеры часто тоже остаются безликими, как будто их оформлял кто-то другой. Это наводит на мысли о формировании ложного Я и о том, что аналитику придется долго создавать вместе с анализандом новое пространство для игры, прежде всего психическое, но начать можно и с физического. Сразу болезненной кажется ситуация, когда у ребенка в латентном и подростковом периоде не было возможности проявить творческие способности в своей комнате. Когда родители вторгаются в комнату без стука или разрешения, заходят туда в отсутствие ребенка, заглядывают в шкафы и ящики, запрещают изменять комнату, убирать из нее или добавлять в нее предметы.

Таким образом, ребенок лишается переходных объектов, надежных объектов, которые научили бы его творчеству, общению, чувству опоры и надежности, уверенности в себе, а главное – сепарации. Винникотт считал, что дети, разрыв с объектом которых в самом раннем возрасте прошел болезненно, становятся «депривированными» и вообще не могут играть. Более того, все чужое, что помещается в пространство ребенка, воспринимается им как угроза или наказание. То есть если комната или просто пространство ребенка подчинены ему и его творческим порывам, то бессознательное получает свою свободу, активизируются влечения к жизни. А если комнатой и оформлением интерьера занимаются родители, то перевес остается на стороне Сверх-Я, активизируются влечение к смерти и ощущение угрозы.

В результате оказывается, что взрослый человек живет в доме, который представляет для него угрозу. Как будто сам индивид – угроза для себя. Он никогда не ответит на вопросы о том, как и зачем он выбрал те предметы, которые есть у него в интерьере. В обстановке никогда не будет ничего яркого, модного, привлекающего внимание. Здесь будет все только практичное, полезное, купленное недорого или вообще выбранное другим человеком. Этот индивид не ездит прогуляться по магазинам, чтобы купить что-то ненужное, ему неинтересно, как устроены интерьеры

других людей, он не обращает внимания ни на красоту своего дома, ни даже на комфорт. А это приводит к тому, что качественно удовлетворять свои потребности он у себя дома тоже не может, а значит, не может получать удовольствие. Как правило, таких людей вообще удивляет, что они могут иметь свое пространство и что-то в нем устраивать. Ограничения во всем не доставляют им неудобств и даже приносят некое подобие удовольствия, ощущение собственной «реальности». Бенно Розенберг объяснял это так: «Именно потому, что принцип удовольствия включает в себя мазохистическое удовольствие, принцип удовольствия может трансформироваться в принцип реальности» (Розенберг, 2018, с. 90). Красивые вещи для интерьера могут их испугать, но со временем могут производить терапевтический эффект, так же как в анализе, когда анализанд в какой-то момент начинает понимать, что ему «можно». Одновременно с тем как обстановка дома у анализанда начинает принимать очертания индивидуальности, он начинает активнее ассоциировать. Чем сильнее алекситимия анализанда, тем заметнее его трансформация и переход от замерзшего состояния к состоянию продуцирующему. И только встретившись в этом пространстве с материнским объектом, он сможет пройти с ним здоровую сепарацию. Рядом с безопасным физическим жилищем может появиться безопасное психическое жилище, и бессознательное, изгнанное из дома, вернется, чтобы восстановить способность мечтать и творить (Howard, 2019).

Говоря об объектах, которые учатся использовать в течение терапии или уже умеют использовать пациенты, Винникотт называет и их дома (Винникотт, 2017). Получается, что не все и не всегда умеют использовать объекты, среди которых дом, и можно предположить, что пациент, прошедший анализ или психотерапию, в какой-то момент захочет обустроить свой дом, сделать ремонт или просто внести изменения и, может быть, даже переехать в новое жилье. Начиная анализ с новым пациентом, мы можем ожидать, что постепенные изменения в его психике будут экстраполироваться на его окружение в будущем.

В интерьерном дизайне вообще всегда стоит вопрос о будущем и о том, чтобы заглянуть в интерьеры на 10–20–50 лет вперед, что неудивительно. Через дизайн интерьеров общество пытается увидеть себя и отразиться в глазах матери, глобально все интерьеры мира – это дети одной матери, имя которой – архитектура.

Жилище как символ материнской утробы и матери

Материнская утроба – это убежище и самый первый дом каждого человека. Находясь дома, мы будто бы возвращаемся в мать, где нам тепло, уютно и комфортно находиться. Если наш дом – это материнская утроба, то мы будем стараться повторить те ощущения, что получали еще до рождения, а также те, что были получены в раннем детстве уже в доме родителей при участии объектов, бытовых предметов, предметов мебели и окружения в целом. Входят в этот список и первые физические ощущения.

«Механическое сотрясение должно быть признано одним из источников сексуального возбуждения» (Фрейд, 2018г, с. 48). В качестве примера Фрейд приводит езду по железной дороге. Первые подобные ощущения в жизни индивида относятся к качанию на руках матери или в колыбельке, а еще раньше в материнской утробе. Призванное успокоить и усыпить ребенка, оно очевидно вызывало огромное удовольствие и наступление сна, его можно приравнять к ощущениям сразу после оргазма, когда тело и разум полностью расслабляются. Сегодняшняя спальня по-прежнему остается для нас вместилищем сна и удовольствия, напряжения и раскачивания во время секса и засыпания после него.

Выбирая оформление и обстановку спальни, мы стремимся создать ту же атмосферу, что была у нас в младенчестве. У нас остаются воспоминания о тактильных ощущениях, о цвете и свете окружения, разумеется на бессознательном уровне. В мире дизайна существует негласная тенденция, к которой стремится большинство заказчиков, – пастельные тона в той части интерьера, где предполагают отдыхать. Отчасти это может быть связано с типичной обстановкой детской комнаты, а отчасти с тем, что в младенчестве цвета еще плохо различаются и общая картинка воспринимается смягченной, даже если окружение было не пастельным. Возможно, очень яркая или черная спальня говорит о том, что в период жизни с рождения до года младенцу приходилось слишком сильно напрягаться и перевозбуждаться и, чтобы заснуть, ему и его матери приходилось прилагать большие усилия. Кажется, при таких условиях индивид выберет не только кричащие цвета в спальне, но и в целом экстравагантную обстановку в своем доме, а его образ жизни будет далек от размеренного. Ведь именно при таких условиях он способен получить оргазм и уснуть, это залог его удовольствия.

Мы знаем, что ребенок стремится повторять любые переживания, чтобы овладеть ими (Фрейд, 2018). Перечитывает одну и ту же сказку, играет в одну и ту же игру. Но для взрослого новизна является условием наслаждения. Взрослый человек, повторяя вокруг самую первую в своей жизни обстановку, создает идеальную фантазию. Может быть, поэтому нам бывает трудно уснуть в незнакомом месте? И может быть, способность хорошо спать и высыпаться вне своей спальни можно считать сдвигом с мертвой точки. Спальня, превращенная в алтарь для младенческих воспоминаний, сразу бросается в глаза, она всегда полна неожиданных деталей, не принятых в обществе, и кажется чем-то вроде игровой комнаты для бессознательного. В качестве примера можно привести случай, когда индивид предпочитает спать на полу в комнате без мебели и освещения. Это попытка достичь старого удовольствия новым путем. И каждая следующая будет сложнее и оригинальнее, но будет приводить к одному и тому же результату. Знаменитый финский архитектор Алвар Аалто говорил: «Конечная цель архитектора – создать рай. Каждый дом, каждый продукт архитектуры должен быть плодом нашего стремления построить земной рай для людей».

Во «Введении в психоанализ» Фрейд дает описание сна, называя его «потерей интереса к миру» (Фрейд, 2020, с. 104). Засыпая, мы пытаемся

воссоздать то блаженное состояние, в котором находились первые девять месяцев своего существования в утробе матери. Фрейд сводит это состояние к трем словам: «тепло, темно, и ничего не раздражает». И каждое утро мы рождаемся, чтобы снова «увидеть свет», то есть разыграть момент своего рождения. Поскольку засыпаем мы для того, чтобы излечиться от состояния возбуждения и раздражения, чтобы снова почувствовать интерес к миру, очень важно, чтобы обстановка во время сна не раздражала (Фрейд, 2020). Фрейд говорит, что «сновидение является реакцией организма на мешающее сну раздражение». Вот почему сознательно мы считаем идеальной ночь, когда нам ничего не снилось и мы испытывали полный покой восемь часов подряд. Хотя фактически именно сны помогают нам обрести этот покой и не просыпаться от каждого шороха. Выходит, для идеального сна спальня должна быть своеобразным «коконом», идеально повторяющим обстановку в утробе матери. Французский дизайнер Фабрис Жуан это подтверждает: «Сегодня побеждают округлые, гибкие, органические формы. Они одеты в тактильные материалы и мягкий текстиль – люди хотят чувствовать себя защищенными, заключенными в кокон».

Можно предположить, что идеальная спальня по Фрейду – это помещение не очень больших размеров, в котором главное место занимает кровать с удобным матрасом и постельным бельем, окна которой выходят на солнечную сторону, чтобы каждое утро «видеть свет», в которой используются преимущественно пастельные тона, плавные формы, теплые на ощупь материалы и матовые поверхности. В этой спальне должна быть хорошая шумоизоляция, и эта комната должна находиться максимально далеко от других помещений, чтобы в нее не проникали посторонние звуки и запахи и чтобы доступ в нее был затруднен для гостей и других членов семьи. Если взглянуть на современные проекты архитекторов и дизайнеров, то спальни они всегда оформляют и располагают именно по таким принципам. Но чаще всего мы оформляем интерьеры без помощи профессионала, иногда делаем ремонт своими руками или снимаем квартиру, которую оформлял кто-то другой, и получаем совершенно чужой интерьер. Тогда нам приходится наполнять его теми символами, которые нам доступны.

К тому же «идеальный» интерьер предполагает «идеальные» условия пребывания в утробе матери и вне ее в первые годы жизни, а это почти невозможно. Можно предположить, что любые отклонения от этого условного идеала обязательно найдут свое отражение в дизайне интерьера. В любом жилище будут присутствовать раздражители и вообще особенности, которые привлекают наибольшее внимание. Кому-то вообще не нужна удобная кровать, кто-то спит в гостиной на диване, кто-то не может спать в одиночку, а кого-то ничуть не смущают громкие звуки, запахи, холод, жара, свет и так далее. Можно сделать вывод, что если некий очевидный раздражитель не мешает нам спать, значит, он присутствовал в нашей материнской утробе и, конечно, влияет на наше существование, не только в спальне. Отто Ранк говорит, что одно из важных свидетельств того, что травма рождения преследует нас всю

жизнь, – это то, что половину жизни мы проводим во сне, то есть в состоянии младенца в утробе (Ранк, 2019). Там же Ранк уточняет, что все неприятные физические ощущения, которые проявляются во сне, – это всегда отсылки к ощущениям, которые мы испытывали в утробе или покидая утробу.

Спальня создает для нас идеальные условия сна, именно она отвечает за наши сновидения, ее интерьер – наше идеальное существование в утробе матери, в утробе мечты. И если верить, что спальня отражает наши мечты, то можно предположить, что и остальные комнаты, и интерьер в целом – это наша мечта. Можно пойти еще дальше и учитывать наши взгляды не только на сам дом, но и на все, что его окружает и становится частью нашей рутины, частью нашего сна наяву.

Фрейд говорит о снах наяву – что это самые известные продукты фантазии. И сравнивает фантазию с «заповедником» (Фрейд, 2020, с. 435). Действительно, метафоры о доме, жилище в целом относятся и к городской среде тоже. Как правило, «сознание» любого города или поселения живет по принципу реальности, но фантазия этот принцип отрицает. В снах наяву мы можем быть кем хотим, можем делать что хотим и получать то, о чем мечтаем. Сны наяву есть в любом городе, и Фрейд называет в качестве таких «заповедники», «национальные парки», кусочки среды, которую не тронула рука человека. Не зря мы так ценим старинные городские постройки, бережно относимся к старым развалинам и памятникам архитектуры, не зря так популярна идея реставрации и воссоздания, особенно в развитых обществах.

Все, что не подвергается влиянию времени и реальности, – это своеобразный сон наяву, мечта, что-то, что не играет по общим правилам. И если в городе сохранять такие фантазийные места довольно трудно, то у себя дома мы можем устроить свой маленький заповедник. Галерист Россана Орланди говорит: «Все будет трансформироваться. Дома станут "зелеными", рядом с ними будет больше садов и парков – и вместе с тем сами жилища окажутся гораздо проще. Стремление к простоте как общее направление – очевидный тренд». Однако сегодня уже поднимается вопрос о том, что современный город теряет свою эстетичность и все в нем «определяется потреблением, зрелищностью и фантазиями о товарах». По мнению некоторых специалистов, это ведет к созданию нездоровой для психики обстановки (Vanolo, 2021). На смену архитектуре как искусству и градостроению как системе приходят реклама, стихийное заселение и мода, которые не позволяют фантазии действовать самой по себе (D'arcy-Reed, 2019).

Вернемся к тому, какую роль во всем этом играет мать. Фрейд говорит о символизме комнаты или помещения как материнской утробы или человеческого тела в целом (Фрейд, 2020). Он уточняет, что окна и двери – это отверстия в теле, тогда как ключи – символы мужского полового органа. Там же он приводит множество женских символов, среди которых предметы обихода, такие как бутылки, шкафы, чемоданы, ящики, печи. К женским же символам Фрейд относит воду, дерево и бумагу. Это следует не только из рассуждений Фрейда и его ссылок на общеизвестные

факты, но и из клинического опыта. Его пациентка Дора видит сон о комнате, где она спит и где ее внезапно будит отец и говорит, что начался пожар (Фрейд, 2020). Чтобы расшифровать этот сон, Фрейд узнал у пациентки историю о комнате, где она запиралась, боясь быть застигнутой врасплох господином К. В результате выясняется, что Дора тайно мечтает о сексуальной связи с господином К.

Из этого прямо вытекает вывод о том, что дом – это отражение нашего сознательного представления о себе, о своем теле, его потребностях и желаниях, а также бессознательного – о психике. К женским символам вообще относятся не только дома, комнаты, помещения, но и сады, цветы, горы и холмы. Все, что связано с природой, противоположно мужским символам: машины, моторы, техника и технологии, все индустриальное, связанное со скоростью, огнем, разрушением.

Можно предположить, что современная тяга большинства к большим окнам, отсутствию занавесок, идеальному естественному освещению, высоким потолкам и просторным комнатам – это бессознательное желание превратить свое жилье в идеальную утробу, выход из которой очень удобен и прост и не несет никакой травмы и стресса для младенца. Кажется, что идеальный дом – это полностью прозрачное, без перегородок и углов жилище, в котором есть изобилие. И создать такое жилье действительно пытались и пытаются дизайнеры и архитекторы по всему миру. Дома, которые демонстрируют подобный подход в максимально буквальном виде, вы увидите среди работ Константина Мельникова (см. *рис. 3*), Карима Рашида, Филипа Джонсона, Оскара Нимейера (см. *рис. 4*), Захи Хадид и других именитых архитекторов.

Один из важнейших в дизайне и архитектуре материнских символов – это дерево. Выбирая несимметричные и плавные формы, архитекторы обычно говорят, что их создала сама «мать-природа», а прямые линии и симметрия придуманы человеком и потому с точки зрения планеты некрасивы. То же самое касается и дерева, оно – от природы, а ненатуральные материалы все равно никогда не займут основное место в доме, хотя попытки к тому были сделаны, например, школой Баухаус. Современные производители хорошо научились создавать имитации дерева и других природных материалов, и для дома мы часто выбираем натуральные оттенки, пытаясь остаться рядом с природой, с матерью. С другой стороны, желание жить в доме, на сто процентов состоящем из всего женского и материнского, может свидетельствовать о психотичности.

Наше желание окружать себя материнскими символами и отождествлять себя с собственным жилищем можно наблюдать с младенчества. Мелани Кляйн рассказывала, что в ее кабинете есть умывальник и предметы, которые могут пригодиться для игры в нем (Кляйн, 2018). Она говорила, что игры с водой позволяют заглянуть в прегенитальные порывы влечений. Исследуя работу Мелани Кляйн, можно увидеть, что дом становится важным символом человека и часто – матери и женщины с самого раннего возраста. Например, семилетняя Грете упорно рисовала себя и мать в виде домов, а брата и отца в виде деревьев (Кляйн, 2018).

Рис. 3. Дом Константина Мельникова изнутри

Рис. 4. Дом Оскара Нимейера

Пятилетний Курт в игре «обустроивал дом для одиночного владения», украшал и оснащал его, а дом обозначал мать (Кляйн, 2018, с. 144). Еще один мальчик постоянно изображал материнскую утробу через карту местности. Если все это в игре проделывают маленькие дети, то резонно предположить, что взрослые, имея гораздо больше возможностей, продолжают играть, создавая дом своей мечты и обустроивая его, пытаясь таким образом своими руками «слепить» идеальную материнскую утробу и место для формирования Идеала-Я.

Мелани Кляйн говорит, что девочки и мальчики играют в строительство домов, обустройство квартир и путешествия, выражая таким образом желание найти свой дом, то есть мать (Кляйн, 2018). С помощью этих игр они уменьшают свою тревогу быть покинутыми матерью и пытаются успокоить себя и убедить в том, что они не разрушены, что мать не похищена, что она рядом и достаточно хорошая. Дом для девочки, по Кляйн, – это олицетворение собственного тела. С домом же связано и соперничество с матерью, и желание стать хозяйкой дома. А для обоих полов характерен страх быть изгнанным из дома. Мелани Кляйн говорит, что из этой ситуации опасности женщину спасает ощущение того, что ее дом, ее тело, ее ребенок и работа в порядке. Для этого она занимается украшением дома. Строительство домов для девочек символически изображает восстановление материнской, а также собственной утробы (Кляйн, 2018). Мальчик же воспринимает утробу и дом как место борьбы с отцом за мать, поэтому мужской дом, как правило, наполнен фаллическими символами, предметами, которые делают из дома крепость и способствуют скорее не уюту, а защищенности.

Если женщина в своем доме хочет показать, что она лучше, чем ее мать, справится с ролью владелицы дома, то мужчина хочет показать, что он один может защитить свою территорию, не пустит на нее чужих. Из этого следует также и объяснение того, что женщины чаще становятся дизайнерами и декораторами, в то время как мужчины – архитекторами, инженерами, прорабами. Мужчине важно выстроить прочные стены, а женщине – добиться ощущения покоя и уюта внутри этих стен. Мелани Кляйн говорит, что желание женщины украсить свое тело и своего ребенка связано со страхом «продуцировать и поместить в тело матери безобразных детей» (Кляйн, 2018, с. 290). А желание обладать красивым домом – это желание обладать красивым нутром тела с хорошими объектами. Из этого можно сделать вывод, что если состояние дома и интерьера женщину не волнует вообще, то ее отношения с матерью и материнской утробой нарушены, утроба воспринимается как враждебная или опасная. Желание напасть на материнскую утробу появляется вследствие орально-садистических влечений, которым дает старт отлучение от груди, и это одинаково справедливо для обоих полов (Кляйн, 2018). В какой-то момент материнская утроба становится местом, которое укрывает не только пенис, но и другие объекты и становится основой для внешнего мира (Кляйн, 2018).

Кляйн говорит, что мальчику, чтобы быть уверенным в собственной потенции, важно быть уверенным в хорошем состоянии своей утробы (Кляйн, 2018). Чтобы избавиться от страха за потенцию, мальчик занимается игрой в строительство и тем самым заодно восстанавливает свою интроектную мать. Ситуации страха, испытанные на оральной стадии развития или в материнской утробе, приводят к тому, что эта игра продолжается и во взрослом возрасте. В народе существует стереотип о том, что строительство домов – это мужское занятие, даже когда речь идет не о физическом, а об интеллектуальном процессе. Возможно, мы бессознательно видим потребность мальчика в необходимости строить, укреплять

и защищать жилище, в то время как у женщины нет потребности в сохранении потенции и борьбе с отцом, она соревнуется с матерью, и ее интересует то, что внутри, а не то, что снаружи. Естественно, ни мальчики, ни девочки не могут в ста процентах случаев вести себя именно так, как описано выше. На эту тему однажды тонко пошутила Заха Хадид: «Я уверена, что, будучи женщиной, я могу сделать отличный небоскреб».

Каждый в той или иной мере старается обустроить свою «утробу», даже если это не отдельное жилье, а комната, уголок в общежитии, автомобиль. Иногда дом становится виртуальным, «игровым», и ошибочно предполагать, что это только детская игра. Если в детстве мы рисуем домики и селим в игрушечных домах кукол, строим шалаши, то взрослым часто приходится искать другие пути решения вопроса. К примеру, 60% игроков Sims (см. *рис. 5*) (симулятор человеческой жизни с возможностью строительства) – это девушки старше 18 лет (Калашников, 2021), а средний возраст игрока в Minecraft – 27 лет (*Cybersport.ru*, 2021), преимущественно это мужчины.

У известной датской компании Lego есть даже сообщество Adult Fans of Lego, а также имеется целый раздел конструкторов с маркировкой 18+. Игра в «строительство» идеального дома используется как часть арт-терапии в психиатрических клиниках, что помогает пациентам увидеть себя со стороны и физически построить свое идеальное психическое убежище. В такой игре мы можем создать дом, которого у нас никогда не будет в реальности, но который навсегда останется в нашем воображении (*Hanes*, 2019).

Это безопасное игровое пространство становится убежищем для бессознательного, если по какой-то причине создание идеальной утробы становится небезопасным мероприятием в реальности. Такое пространство

Рис. 5. Sims 4

не увидят посторонние люди, не смогут его разрушить, отобрать или проникнуть в него. Такая приверженность виртуальному жилищу свидетельствует о том, что в детстве ощущения «своего» пространства не было и, если пойти дальше, что в материнской утробе ребенку было отчего-то некомфортно находиться. Можно предположить, что домоседами становятся также те, кто только во взрослом возрасте получил доступ к «своему» пространству. «Часто у таких людей в раннем детстве были нарушены отношения с матерью, им не хватало общения с ней, – сказал по этому поводу Андрей Владимирович Россохин. – Если они не получили в тот момент поддержки и от отца, то впоследствии стремление уже взрослого человека почти все время проводить дома может быть связано не только с его желанием спрятаться от реальности, но и с потребностью вернуться к матери и все-таки найти у нее защиту» (Щеглова, 2020).

Дом – это тоже мир и реальность, отношение к которому задает материнская утроба. Мы не можем прийти к анализанду домой, но современные технологии позволяют нам увидеть его интерьер во время онлайн-сессий, которые вообще заслуживают отдельного пристального изучения. К тому же пациенты очень часто рассказывают про свой дом и иногда комментируют то, что окружает их в момент разговора. Понимая взаимосвязь интерьера с бессознательным и учитывая психоаналитические предпосылки в его создании, мы можем делать выводы об индивиде. Интерпретировать реальное проще, чем психическое, особенно на начальном этапе работы. Даже на очных сессиях анализанды берут в руки предметы, меняют позу, иногда переходят с места на место, особенно в период, когда кадр еще не до конца установлен. Иногда они обращают внимание на то, что находится в комнате, и специально показывают это терапевту, иногда начинают говорить о том, что видят за окном. Таким образом взрослые задействуют обстановку точно так же, как маленькие пациенты Мелани Кляйн, и это, как правило, имеет отношение к происходящему на сессии.

Одна из пациенток Винникотта использовала прекрасную метафору, центральную роль в которой играл плед. Она сказала буквально следующее: «Плед – очень удобная вещь, но реальность важнее комфорта, значит, когда пледа нет, может быть куда более важным, чем когда плед есть» (Винникотт, 2017, с. 40). Осознавать, что чего-то нет, для пациентки было крайне важно, жизненно необходимо, ей было нужно, чтобы для этого создавалась соответствующая обстановка, чтобы отсутствие можно было увидеть, прочувствовать, почти потрогать, ведь «потерять можно только реальную вещь». Когда пледа не было, она могла фантазировать о том, что он все-таки где-то есть, но при этом точно знать, что его НЕТ рядом с ней и она не может им воспользоваться. Эта потребность убеждаться в отсутствии чего-либо возникла у нее во время войны, когда ее эвакуировали из родного дома. В эвакуации она надеялась увидеть родителей, не представляя, что они могут быть где-то отдельно от нее. Потребовалось немало времени, чтобы понять, что родителей нет и больше не будет. Это, безусловно, было травматично для пациентки, но именно отсутствие предметов, отсутствие комфорта стало в какой-то момент для нее очень важным, чтобы двигаться дальше, чтобы жить отдельно, чтобы признать

свою сепарацию и свою отдельность. Плед, что удачно для нашего исследования, – это предмет обстановки, предмет интерьера, причем такой, без которого действительно можно обойтись, такие вещи в интерьере ничего не значат, их легко убрать и заменить. И все-таки слишком большое количество таких предметов в интерьере может указывать на сложности в сепарации, на попытку защитить себя, как это делает ребенок, который берет с собой в постель игрушку, чтобы не испытывать одиночества.

Здесь на ум приходят интерьеры, в которых нет пледов, нет декора, нет вообще ничего лишнего. Сегодня эти интерьеры называют минималистичными, кого-то они пугают и кажутся «неуютными», но для многих именно такой интерьер становится идеальным убежищем, в котором спокойно и хорошо, потому что ничто не отвлекает. Пациентке Винникотта явно было бы хорошо в минималистичном интерьере, потому что он без конца убеждал бы ее, что чего-то важного больше нет, нечто нереально, и она могла бы таким образом смириться со своей травмой, прожить ее, зная, что если каких-то вещей нет, значит, они реальны. Возможно, современные аскетичные и минималистичные интерьеры – это такие же попытки признать свой разрыв с родителями, суметь прожить сепарацию и стать самостоятельным человеком. Не зря же говорят, что минимализм – это молодежный стиль, и действительно, его редко выбирают семьи с детьми, скорее одинокие люди или молодые пары. Для них дом – это пока еще арена для отыгрывания расставания с родителями, а не гнездо, в котором рождаются новые ассоциации и новые связи, которым только предстоит пройти сепарацию. А в объявлениях о поиске квартиры вы часто можете увидеть требование «не бабушкин стиль». Интересно, что этот «стиль» определяется именно такой формулировкой, ведь можно использовать слова «без старой мебели», «современный ремонт» и так далее. Словосочетание «бабушкин стиль» очень эмоционально заряженное, потому что в наших ассоциациях бабушкин интерьер всегда наполнен деталями, перегружен предметами, в нем много лишнего и ненужного. Этот интерьер можно назвать другой крайностью, и если минимализм – это северный полюс, то «бабушкин интерьер» – полюс южный. Первый – холодный, сдержанный, помогающий отыграть свои травмы, второй – горячий, переполненный эмоциями и тревогами.

Отто Ранк говорит, что для того, чтобы снова осознать, что мать все-таки существует, пусть и на расстоянии, ребенку помогают ее голос, прикосновения, ее запах и вещи, которые о ней напоминают (Ранк, 2019). Может быть, поэтому, создавая свою идеальную утробу при оформлении интерьера, мы стремимся найти как можно больше способов создать комфортную обстановку, прибегая к тому же принципу и задействуя все органы чувств. Если нам действительно важна связь с матерью и мы хотим ощущать себя в доме как в безопасной утробе, то мы стараемся получать от интерьера массу приятных ощущений: зрительных, тактильных, обонятельных, вкусовых и слуховых. И чем меньше запретов на удовольствия, чем больше внимания к физическим и психическим потребностям, чем меньше давления Сверх-Я и господства влечений к смерти, тем шире становится круг возможностей для создания этих приятных ощущений.

Получается, чем глубже невроз, чем тяжелее состояние психики, тем труднее человеку не просто получать удовольствие, но и создавать для себя комфортную и безопасную обстановку, которая бы удовлетворяла все его потребности. Это может проявляться не только как неспособность организовать жилище, но и удовлетворять базовые потребности или как отказ от их удовлетворения, поведенческим или соматическим способом. В первом случае пациент будет жаловаться на то, что у него, например, нет удобной ванны, протекает кран или унитаз, соседи за стенкой шумят, под окном находится завод, от которого идет дым и неприятный запах, невозможно уснуть из-за света в окно, не получается готовить, еда постоянно пригорает, кровать скрипит, матрас жесткий и так далее. Особенно на это стоит обращать внимание, если подобные проблемы повторяются или преследуют пациента всю его жизнь вне зависимости от места жительства.

Меланхолики, пытаясь отыграть первичную ситуацию, используют не только свое тело, но и все вокруг, в том числе помещения (Ранк, 2019). Меланхолик будет стараться сделать окружающую его действительность менее заметной и менее значимой: затемнять помещение, использовать минимум предметов, вести аскетический образ жизни и мало пользоваться теми благами, которые ему дарит все, что находится вокруг. В доме у этого человека будет пусто, темно, холодно, в ванной не будет зеркала, на кухне будет негде сесть, мебель будет неудобной. Но при этом, скорее всего, будет относительный порядок, так как хаос отвлекает, к тому же в материнской утробе нет хаоса, она идеальна.

Ранк приводит в пример и поведение человека с шизофренией, который, уходя из внешнего мира, не просто отказывается его видеть, а замещает его миром иллюзорным. В этом случае дом становится чем-то отдельным и незаметным, здесь будет вопиющий беспорядок, часто доведенный до абсурда, многие предметы будут сломаны или не на своих местах, мебель и техника будут использоваться не по назначению, а сам владелец помещения может все время спать и есть в разных местах. Для него материнская утроба – это не просто место, куда хочется вернуться, умирая от тоски, но одновременно что-то неудобное, опасное, неприятное. И если шизоид иногда все-таки выплывает на поверхность и пытается как-то приспособиться к реальности, то истинный шизофреник будет все глубже уходить в мечты об идеальной утробе, пока дела с «реальной» утробой будут становиться все хуже.

Рассуждая о культуре, Ранк замечает, что все, созданное человеком, творится по его образу и подобию, что весь мир, который придумал человек, антропоморфен. Он говорит также, что самые первые жилища – пещеры и дупла деревьев, а также захоронения – в яме или гробу, – это, как ни крути, попытка воспроизвести внутриутробную ситуацию. То же самое касается очага или костра или даже храмов, созданных древними культурами. Сюда же Ранк отнес греческие здания с колоннами и готическую архитектуру Средневековья и даже американские небоскребы. Любое здание репрезентирует первичную ситуацию, в которой был каждый из нас. Ранк говорит также о детской комнате, которая «от сумки кенгуру и

гнезда, пеленок и колыбели, расширяется» до детской комнаты, дома, города, страны, в которых должно быть безопасно, уютно и тепло и есть все условия для творчества. Для этого в детских комнатах появляются палатки и мини-домики, в которых ребенок может спрятаться, а в играх между собой дети любят строить шалаши и играть в прятки.

В ходе эволюции мать постепенно заменялась «материей», то есть землей и всем, что на земле находится (Ранк, 2019). Человеку в ходе культурного развития приходилось обуздывать свое желание быть не просто рядом с матерью, но и быть в ней, необходимо было найти возможность удалиться от матери, то есть сепарироваться от нее. Не зря Ранк уточняет, что человек постепенно становился прямоходящим, чтобы удалиться от земли на безопасное расстояние. Тем не менее внешний мир оказался той же самой матерью, так как он состоит из символов и выполняет те же функции, что и мать, только в более завуалированном и отвлеченном, культурно приемлемом стиле. Все ранние человеческие изобретения и занятия заменяют мать: это земледелие, охота, война, строительство, создание предметов обихода и одежды.

В процессе эволюции мы продолжаем отделяться от матери и искать для воссоединения все более завуалированные и сложные способы. Вместо того чтобы охотиться и выращивать еду, мы учимся готовить и создаем все более сложную кухонную технику, вместо жизни в деревне выбираем жить в небоскребе, вместо войны и оружия мы выбираем спорт, азартные игры и конкуренцию на работе. Примечательно, что, пройдя подростковый возраст и насладившись постсепарационным периодом, многие снова хотят «вернуться к маме» и из города переезжают в дачные и коттеджные поселки. Жители больших городов предпочитают заводить своих детей не в центре шумного мегаполиса, а на природе, близко к земле, словно возвращаясь к матери и надеясь на ее помощь. И в целом в мире растет тенденция к более близким отношениям с природой, воссоединению с ней и поиску у нее «помощи» (Schweitzer, 2018).

Жилище как символ стадий психосексуального развития

Фрейд говорит, что наши потребности не меняются со временем, просто пути их претворения в жизнь становятся более сложными, современными и технологичными. В то же время в статье «Будущее одной иллюзии» он упоминает, что некоторые первичные позывы со временем становятся атавизмами и вообще «окультуриваются». Он приводит в пример каннибализм, кровосмешение и выражает надежду, что тяга человечества к убийствам со временем тоже сойдет на нет. Мы видим тому подтверждения в виде отмены смертной казни в большинстве развитых стран. «В этом отношении переход к культуре сострадания есть переход от метафизики знания к метафизике присутствия» (Kulka, 2020). Удовлетворение основных и принятых в обществе потребностей тоже видоизменяется и становится более гуманным, экологичным, продуманным. А ведь изначально любое общество, как младенец, использует самые примитивные способы удовлетворения своих желаний. Источники раздражения,

т. е. его собственные органы, доставляют ему любые приятные ощущения, в то время как кое-что получить не так-то просто, в том числе самое необходимое и желанное – материнскую грудь (Фрейд, 2018б).

Сексуальность индивида начинается с органов – рта, ануса, гениталий, позже они заменяются переходными объектами и объектами. Тем не менее невозможно поверить, что наше желание отыгрывать самые ранние впечатления ограничивается только общением с людьми и сексуальной жизнью. Современные технологии находят массу способов замаскировать и «окультурить», спрятать от наших собственных глаз желания, которые с самого начала было так просто удовлетворить. Иногда невозможно увидеть связь между нашей ежедневной рутинной и теми особенностями психики, которые мы постоянно открыто проявляем. Как же именно впечатления разных стадий психосексуального развития находят свое отражение в интерьере и жилище?

Оральная стадия

Фрейд говорит об оральной стадии прегенитальной организации и называет ее «каннибалистической» (Фрейд, 2018а, с. 258). В этой фазе друг другу сопутствуют сразу два вида деятельности – поглощение пищи и поглощение объекта. Во взрослой жизни отголосками оральной стадии можно назвать удовольствие от насыщения вкусной пищей и от близкого контакта с другим человеком. Эти два вида деятельности до сих пор принято совмещать, они дополняют друг друга. На первое свидание мы идем в ресторан, на праздниках устраиваем застолье, угощаем ужином коллег и бизнес-партнеров. Совместное сидение за общим столом и поедание пищи очень сближает и помогает создать самые близкие отношения. В обществе часто с настороженностью воспринимают того, кто ходит в ресторан в одиночестве, можно предположить, что это бессознательно воспринимается как публичная мастурбация. В прошлом и даже в наше время еще сохраняется обычай, когда вся семья ест после того, как глава семейства прочитает застольную молитву, он же и получает право начать есть первым. В современном доме члены семьи нередко едят по отдельности, вне дома и даже перед телевизором, что также негласно осуждается обществом или воспринимается как нечто неприличное, некультурное.

Идеальное пространство для удовлетворения обеих потребностей в поглощении, о которых писал Фрейд, – это столовая, где все могут одновременно есть и общаться, где нет никаких отвлекающих факторов и очень мало места для проявления каких-либо признаков кроме оральных. Кажется, наличие отдельной столовой – это самый здоровый способ помочь психике перерабатывать отголоски оральной стадии в интерьере. Тренд на выделение столовой зоны в российских интерьерах появился сравнительно недавно, в то время как в Европе никуда и не уходил.

Читая об оральной стадии психосексуального развития у Бержере, мы узнаем, что оральную стадию представляют в равной степени все органы чувств и речь идет не только о рте, как могло бы показаться (Бержере, 2008). Сюда относятся и запахи, и зрительное восприятие, откуда взялось

выражение «пожирать глазами», и процесс дыхания, и говорения, и, конечно, осязания. Все они помогают нам на оральной стадии поместить внутрь себя то, что принадлежит внешнему миру, и сделать частью себя. Любые тактильные и зрительные приятные ощущения, которые мы испытываем и от которых получаем удовольствие, – это воспоминания об оральной стадии развития, когда мать ласкала и гладила нас, кормила грудью, пела песенки и любовалась ребенком, а он отражался в ее глазах и считал ее частью себя. Дом, в котором живет индивид, позволяет все эти ощущения усилить и напомнить о том времени, когда весь мир вокруг был съедобен и «иметь» означало «быть».

Мы уже говорили о том, что современные производители стараются активно удовлетворять потребности заказчика, помочь ему одновременно в раскрытии и в сокрытии своих желаний, и мы могли бы чуть подробнее рассмотреть некоторые «оральные» проявления в интерьере. Их можно найти во всем, даже в оформлении стен. Еще до того, как модные интерьеры захватили российский рынок, вопрос тактильности и приятных ощущений решался ковром на стене, затем эта идея была отринута, как устаревшая и пошлая, мы уже говорили, чем такое отвержение старых традиций могло быть вызвано. Сегодня ковры на стене снова становятся модными, и вместе с ними на сцену выходят текстильные и кожаные обои. Это подается как новинка, но все подобное уже было в использовании века назад, так же как и деревянные панели. Все эти материалы объединяет одно – они теплые, уютные, приятные на ощупь и имитируют мягкость, теплоту и «органичность» материнской утробы. И сегодня те, кто может себе это позволить, выбирают не только обои из приятных на ощупь материалов, но и так называемые фрески и гобелены. Достаточно взглянуть на произведения искусства, созданные брендом de Gournay (см. рис. 6), чтобы увидеть, о чем идет речь.

Если пойти дальше, можно предположить, что большие мягкие кресла и диваны, тяжелые шторы и занавески, необычные на ощупь материалы, сложные формы и изгибы, все, что запоминается и бросается в глаза в интерьере, – это напоминание об оральной стадии, когда хотелось смотреть, трогать и пробовать на вкус. Бержере говорит, что ребенок на оральной стадии все вещи и объекты воспринимает «в качестве пищи» (Бержере, 2008). При оральной фиксации взрослому будет важно, чтобы то, что его окружает, тоже было «вкусным», в том числе для глаз и на ощупь. А это всегда подразумевает эстетику, отсутствие неприятных глазу деталей, запахов, звуков и ощущений и большое разнообразие.

Что это подразумевает в интерьере? В большинстве случаев легкость, мягкость и нежность, отсутствие грубых форм и материалов, слишком ярких и сложных деталей, «аппетитный» вид мебели, то есть ощущения, оттенки, запахи, которые сопровождали наше общение с матерью на оральной стадии. Это в первую очередь относится к условно классическим интерьерам. В 2021 году было опубликовано подробное исследование, в котором рассказывается о том, какая архитектура, включая конкретные приемы и элементы, чаще вызывает у людей благоговение, восторг и радость, и в этом списке лидируют классические приемы (Negami et al., 2021).

Рис. 6. Бренд *de Gournay*

Оральность в интерьере проявляется не только в формах, оттенках и приятных тактильных ощущениях, но и в прикладных вопросах. Современные технологии помогут создать идеальный комфорт. С помощью системы «умный дом» можно настроить шумоизоляцию, климат, приточную вентиляцию, степень освещенности. В таком интерьере практичность может уступать место комфорту. В частности, на полу может появиться пушистый ковер, который будет собирать пыль и нуждаться в постоянной чистке, но зато с ним будет теплее и тише. Очень важно для оральных проявлений и то, что предметы вокруг с трудом поддаются разрушению. Детское желание укунить мать и проверить ее на «прочность» может перейти и во взрослую жизнь, где любые поломки и изменения в интерьере будут восприниматься как опасные и враждебные. Тут кстати будет вспомнить сказку о трех поросятах, а затем вспомнить, что в самые тяжелые времена у людей, которые менее всего чувствуют себя в безопасности, жилище больше всего напоминало каменный домик третьего поросенка.

На примере культуры нашего общества очень удобно исследовать изменения в архитектурных предпочтениях. Страх взрослого человека и страх младенца, агрессию которого не выдерживает мать, материализуется в виде соответствующего дома и интерьера – большого, тяжелого, массивного. С развитием социума, изменениями в подходе к воспитанию и психотерапии меняются и жилища. Если еще 20 лет назад, и тем более раньше, считалось, что хороший дом – это высокий дом с высоким забором и решетками на окнах, то сегодня ситуация совершенно иная. Дома растут по горизонтали, они больше не должны производить впечатление

древнего замка и устрашать наблюдателей. Примерно в то же время, когда начало уменьшаться количество этажей, изменился и подход к остеклению – оно тоже стало расти. Изменился и размер окон, и площадь остекления в целом. Если раньше в большой комнате показателем удобства считалось количество окон, то теперь окно может быть одно, но панорамное или даже с выходом в сад. Остекление теперь располагают по сторонам света, как и сам дом. Если раньше было важно, чтобы дом со стороны казался симметричным (симметрия и склонность к ней – анальная черта по Карлу Абрахаму (Абрахам, 2009а) и все детали были в нем равномерно распределены, то теперь на первый план выходит удобство владельцев дома и внутреннее устройство. Помещения, которые не нуждаются в хорошем освещении, выносятся на несолнечную сторону и остаются без окон либо располагаются в центре здания, а большая часть остекления приходится на солнечную сторону и главные комнаты в доме.

Анальная стадия

Говоря об анальной стадии, Бержере тоже называет две фазы – выделительную и удерживающую – и подчеркивает амбивалентность анальности. Фекальные массы, первые продукты творчества человека, играют роль внешних объектов, которые «могут быть, с одной стороны, отброшены, т. е. отвергнуты, с другой стороны, в той же мере интроецированы» (Бержере, 2008, с. 25). Эта же стадия психосексуального развития характеризуется садизмом, «определяемым как агрессия, направленная на объект и нагруженная удовольствием». Вот и выходит, что в интерьере анальность может проявляться либо попыткой скрыть и спрятать нечто неприемлемое, неприятное, противное, либо, наоборот, выставить это наружу, продемонстрировать. Это относится ко всему интерьеру в целом, так и к его частностям.

В качестве крайностей можно привести два примера – аскетичность, как в интерьере в стиле минимализма, и излишнюю помпезность, как в стиле барокко. И то и другое у большинства вызывает недоумение и становится объектом для множества шуток. В случае минимализма мы часто говорим, что интерьер выглядит словно «в больнице», подразумевая его холодность и пустоту, но главное – чистоту. Именно эта чистота, желание избавиться от «фекалий», показать, что их тут не было и быть не может, указывают на строгую анальность интерьера и того, кто в нем живет. В случае же барокко, которое часто неуместно в современных реалиях с его позолотой и вензелями, мы смеемся над владельцем с его желанием выставить напоказ свое «богатство» и «вкус», бессознательно воспринимая это как демонстрацию фекалий.

Но в первую очередь анальность стоит искать там, где чаще всего идет борьба между грязью и чистотой – в ванной, в туалете и на кухне, и, взглянув на тенденции в дизайне и продукцию современных брендов, мы можем понять, где искать. Кухня – это помещение, где много приятных запахов и ощущений, но в то же время именно это часто самое грязное место в доме, и это создает проблемы для оральности, которая в «идеальном»

интерьере характеризуется комфортом, уютom, сбалансированностью и мягкостью. Именно поэтому испокон веков кухню старались изолировать от жилых помещений, упрятать ее в подвал, вынести на улицу, огородить, а об эстетике этого помещения вообще не задумывались. Хозяйки богатых домов вообще никогда не приближались к кухне, это было просто-напросто неприлично. И сегодня многие стараются держать кухню подальше от жилой части дома и от гостей, хотя мировой опыт показывает, что объединить кухню и гостиную часто бывает очень удобно. В таких случаях применяется множество хитростей, чтобы кухня как будто «растворилась» в помещении и почти перестала быть кухней.

Но настоящий вызов «правильному» аккуратненькому интерьеру и современной степенной кухне – это люксовый бренд кухонной техники Sub-Zero & Wolf (см. *рис. 7*), воспевающий демонстрационную анальность. Основатель компании и изобретатель современного холодильника Вести Бакке искал возможность хранить инсулин для своего сына, а для этого нужна была температура ниже 18 градусов по Цельсию или ниже нуля по Фаренгейту. Отсюда и название, которое дословно переводится как «ниже нуля». Эта профессиональная кухонная техника стоит баснословных денег, имеет гигантские размеры, стоит на кухнях в самых дорогих интерьерах у аристократов и знаменитостей и при этом выглядит довольно устрашающе. Грубые формы, резкие черты, малопривлекательный металл, массивная фурнитура – все это наводит на мысли об огромной кухне ресторана или как минимум чьего-то родового поместья, где для кухни выделяют целый подвал.

Рис. 7. Кухонная техника Sub-Zero & Wolf

Еще 30 и более лет назад во всем мире, и тем более на территории нашего государства, в ванной много времени не проводили, считали ее чем-то вроде «санитарной зоны», где просто должно быть чисто, а из крана течь вода. Что до туалета – он и есть туалет, просто унитаз в маленькой комнатке. И это в лучшем случае, так как в частных домах туалет часто располагался и сейчас располагается на улице и представляет собой очень грязную зону – символ открытой анальности.

Сегодня все меняется, и ванная комната вместе с туалетом стала полноценным членом интерьерной семьи. Теперь ее оформлению уделяют не меньше сил, чем спальне или кухне, а времени в ней проводят все больше, получая удовольствие от процесса использования. Обычным делом становится иметь два санузла даже в небольшой, скажем, двухкомнатной квартире. Кажется нормой, когда у каждого члена семьи есть свой санузел или очень большая ванная для семейной пары и отдельный гостевой санузел. Если в планировках жилых домов полувековой давности туалет проектировался по остаточному принципу где-нибудь с краю, то сегодня ваннанные комнаты увеличились в площади, а совмещенные санузлы больше не кажутся нам чем-то противным и неудобным, в них появляются окна. Люди перестают стесняться своих потребностей, прятать их от гостей и других членов семьи и стараются создавать для себя удобство и комфорт, но при этом «грязь» все равно стараются спрятать.

Фаллическая стадия

Имея в виду уже упомянутые рассуждения, можно сделать вывод о том, что если первые две стадии в первую очередь требуют присутствия какого-то объекта/предмета и удовольствие при этом связано с выделением или поглощением этого объекта/предмета, то на фаллической стадии объект отходит на второй план, а на первый выходит функция, способность получать удовольствие от самого себя и без помощи постороннего. Абрахам говорит, что на этой стадии характер перенимает все самое важное у первых двух стадий и что при благополучном прохождении первых двух стадий индивид не будет впадать в преувеличение этих характеристик (Абрахам, 2009б).

Вообще фаллическая стадия характеризуется появлением стыда и запретными удовольствиями, и именно эти запретные удовольствия в интерьере можно считать отсылками к фаллической стадии психосексуального развития. На этом этапе появляется детское сексуальное любопытство, фантазм о первичной сцене, а также в противовес им рождаются страх кастрации и зависть к пенису. На этой стадии ребенок начинает искать уединения, желает получать удовольствие, которое может оказаться постыдным, и получать его он хочет в одиночестве. Вот об этих проявлениях в интерьере, которые на языке сленга сегодня называют *guilty pleasure*, мы и поговорим подробно.

Удовольствия, которыми мы можем насладиться в интерьере, зависят от уровня жизни и развитости общества, и с течением времени и улучшением качества жизни разнообразие этих удовольствий растет. Английский

священник XVI века Уильям Харрисон возмущался мужчинами-современниками и их разнеженностью: «Как же изменились времена, если даже мужчины хотят спать на подушках, не довольствуясь справным гладким бревном под головой!» (Уорсли, 2016, с. 17). Подушки, по его мнению, полагались лишь роженицам. Сегодня подушки есть у всех, но некоторые радости, которые может подарить современный интерьер, доступны далеко не каждому. Многие мечтают о них, но не имеют нужного достатка или стыдятся позволить себе то, что легко позволяют другие. И можно предположить, что именно эти предметы, технологии и явления достаются нам в наследство от фаллической стадии психосексуального развития.

Сюда относится и то, что не имеет прямого отношения к интерьеру и дизайну, но имеет отношение к жилищу. Например, услуги клининга или домашние животные – роскошь и мечта для множества людей. Казалось бы, нет ничего проще, чем взять кота из приюта или вызвать уборщицу на дом, но некоторые так и не решаются сделать этот шаг. Стыдно перекладывать свои обязанности на других и непрактично заводить животное, которое испортит мебель. Есть и то, что доступно только некоторым везунчикам, например домашний спортзал или кинотеатр, будуар с гардеробной, кабинет, игровая комната. Технологии, которые относятся к системе «умный дом», можно смело назвать *guilty pleasure*. Ведь нет ничего трудного в том, чтобы встать и включить электроприбор кнопкой или самому следить за температурой в помещении. Тем не менее для многих это обыденность, не роскошь, а норма. А ведь относительно недавно в 1959 году на Национальной выставке США в Сокольниках Никита Хрущев, понаблюдав впервые в жизни за посудомоечной машиной и микроволновкой, с сарказмом сказал: «Может, у вас есть машина, которая и еду в рот кладет и проталкивает ее?» Остается только гадать, как быотреагировал Уильям Харрисон, окажись он на этой выставке.

Эти удовольствия, без которых можно было бы обойтись, но с ними все-таки лучше, стоит поискать как раз там, где есть возможность уединиться и заняться чем-то возбуждающим, не предназначенным для посторонних глаз. Это в первую очередь спальня, ванная комната и туалет, хотя проявления фаллической стадии есть в интерьере на каждом шагу.

Вообще стоит обратить внимание на то, как изменилось представление о роскоши за последние 30 лет. Если с момента перестройки «роскошный» интерьер был скорее «выделительно-анальным», то есть все его достоинства были нарочито показными, а недостатки тщательно маскировались, то сегодня в действительно роскошном жилище преимущество на стороне оральных и фаллических признаков. А если над интерьером работает профессиональный дизайнер, а заказчик принимает в этой работе активное участие и является личностью с близким к невротическому уровню функционирования, то в интерьере будут присутствовать и те, и другие, и третьи признаки, но ни одни из них не будут сильно выделяться. «Если человек более или менее разовьет свой характер до такого уровня, который мы определили как самый высокий, он должен будет обладать достаточным количеством нежных и дружественных чувств. Развитие такого рода идет рука об руку с относительно успешным

овладением собственным нарциссизмом и амбивалентностью» (Абрахам, 2009б, с. 51).

Одна из самых знаменитых российских дизайнеров-классиков и художник по интерьерам Марина Путиловская говорит о новой роскоши так: «Самый главный вид роскоши сегодня – это позволить себе жить так, как хочется именно вам, без оглядки на то, что модно, и то, что нравится другим. Это больше не дорогая мебель, не высокие технологии, не позолота, не бренды. Это большое окно в лес или сад с видом на озеро, это возможность перед Новым годом сидеть у камина с живым пламенем, это знать, что твой дом останется таким, каким ты хочешь, спустя 10, 20, 50 лет, быть уверенным в своем жилище и чувствовать себя в нем в безопасности». Еще 30 лет назад эта мысль никому бы не пришла в голову, как не приходило тогда в голову почти никому из наших сограждан обратиться за помощью к психоаналитику или психотерапевту. Сегодня же она транслируется во всех сферах, связанных с домашней рутинной.

Примерно в 2015 году случился внезапный бум на хюгге, скандинавское определение уютного интерьера, приносящего удовольствие. Тогда же свет увидела книга Майка Викинга об этом явлении, где автор говорит: «Хюгге заключается не столько в вещах, сколько в атмосфере и ощущениях» (Викинг, 2018, с. 6). Кажется, теперь, когда цивилизованное общество научилось приобретать предметы, доставляющие удовольствие, оно задумалось о том, как удовлетворить свои желания без этих предметов или по крайней мере не только с их помощью. Так появляются понятия вроде *slow living*, предполагающие размеренную жизнь, без излишеств.

Завершается же фаллическая стадия эдиповым конфликтом, который Бержере называет «первым угрызением совести» или «первым запретом» (Бержере, 2008, с. 44). Там же Бержере называет эдипову фазу «исходным узлом всех человеческих отношений». Именно тогда окончательно формируется выбор объекта и Сверх-Я. Именно на этом этапе ребенок наконец становится готов обратиться к замещающим объектам, отказавшись от соблазна матери или отца. Бержере называет это «победой вида над индивидом» и «первым столкновением человека с социальным феноменом». Как раз этот момент имеет в виду Фрейд, когда говорит о «замене власти отдельного человека властью коллектива».

Говоря языком нашей работы, ребенок наконец-то может выйти из своей комнаты и допускается в гостиную, комнату запретов, комнату внешних объектов, комнату, где личные удовольствия уступают место Идеалу-Я, потому что теперь ребенок способен сдерживаться. В реальности дети доэдипового периода и сейчас могут не допускаться в гостиную, когда к родителям приходят гости, а в домах знати до XX века присутствие детей дошкольного возраста во «взрослых комнатах», когда там отдыхает семья и гости, было абсолютно невозможно.

Заключение

Это небольшое исследование призвано стать дополнением к тем психоаналитическим, философским, социологическим и антропологическим работам, которые уже опубликованы и исследуют взаимосвязь человека с его жилищем. Большое и подробное исследование психоаналитической интерпретации всех связанных с жилищем и интерьером особенностей потребует долгих лет работы и эмпирических выводов на основе большой выборки анализандов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрахам К.* Дополнение к теории анального характера (1921) // Абрахам К. Классические психоаналитические труды. М.: Когито-Центр, 2009а.
2. *Абрахам К.* Формирование характера на генитальной стадии развития либидо (1925) // Абрахам К. Классические психоаналитические труды. М.: Когито-Центр, 2009б.
3. *Бержере Ж.* Патопсихология. Психоаналитический подход: Теория и клиника. М.: Аспект Пресс, 2008.
4. *Викинг М.* Нугге. Секрет датского счастья. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
5. *Винникотт Д.В.* Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
6. *Калашиников С.* 60% игроков в The Sims 4 – это девушки в возрасте 18–24 лет (2021) // Сайт «Игромания». URL: https://www.igromania.ru/news/109122/60perc_igrokov_v_The_Sims_4-yeto_devushki_v_vozraste_18-24 лет.html
7. *Кляйн М.* Психоанализ ребенка. Ижевск: ERGO, 2018.
8. *Ранк О.* Травма рождения и ее значение для психоанализа. М.: Когито-Центр, 2019.
9. *Розенберг Б.* Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018.
10. Средний возраст аудитории Minecraft вырос до 27 лет – игру покупали даже в Ватикане и Антарктиде (2021) // Сайт Cybersport.ru. URL: <https://www.cybersport.ru/games/news/srednii-vozrast-auditorii-minecraft-vyros-do-27-let-igru-pokupali-dazhe-v-vatikane-i-antarktide>
11. *Уорсли Л.* Английский дом. Интимная история. М.: Синдбад, 2016.
12. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2020.
13. *Фрейд З.* К теории полового влечения // Фрейд. З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018а
14. *Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой // Фрейд. З. По ту сторону принципа наслаждения. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018б.
15. *Фрейд З.* О нарциссизме // Фрейд. З. Психоанализ на каждый день. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018в.
16. *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения // Фрейд. З. По ту сторону принципа наслаждения. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018.

17. *Фрейд З.* Тотем и табу // Фрейд. З. По ту сторону принципа наслаждения. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018д.
18. *Щеглова М.* Что говорит о нас наш дом. Psychologies.ru, 2020.
19. *D'arcy-Reed L.* (2019) Observing parallaxical identities of place in Architecture – adopting architectural and Psychoanalytical approaches to urban fabrics. *Journal of Architecture and Urbanism*.
20. *Hanes M.J.* (2019) House as a mirror of self: A case study of a twenty-one-year-old female in an inpatient psychiatric hospital. *The Arts in Psychotherapy*.
21. *Howard S.A.* (2019) Building shelter in a chaotic world: the role of empathic imagination in recovery from trauma. *Psychoanalysis, Self and Context*.
22. *Kedar Y., Kedar G., Barkai R.* (2022) The influence of smoke density on hearth location and activity areas at Lower Paleolithic Lazaret Cave, France. *Scientific Reports*.
23. *Kulka R.* (2020) From Civilization of Pessimism to Culture of Compassion: Self Psychological Reflections on Freud's Essay "Civilization and Its Discontents". *Psychoanalytic Inquiry*.
24. *MacCannell J. F.* (2005) FreudSpace: Architecture in Psychoanalysis. *The Annual of Psychoanalysis*.
25. *Negami H. R., Ellard C.G.* (2021) How Architecture Evokes Awe: Predicting Awe Through Architectural Features of Building Interiors. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*.
26. *Schweitzer R. D.* (2018) The Human–Nature Experience: A Phenomenological-Psychoanalytic Perspectiv. *Frontiers in Psychology*.
27. *Vanolo A.* (2021) Shame, guilt, and the production of urban space. *Progress in Human Geography*.

Psychoanalysis and interior

A. A. Kaldina

Kaldina Aleksandra A., Master of Psychology (HSE University), Psychoanalytic psychotherapist, interior journalist.

Symbols and metaphors associated with house have accompanied psychoanalysis literally from its inception: Breuer's patient Anna O called her treatment "chimney-sweeping". Is that now a time to take a closer look at housing, architecture and interior from the psychoanalytic point of view? This article provides a theoretical analysis of the psychoanalytic works of the classics of psychoanalysis, as well as modern psychoanalytic works, which contain information about the relationship of the human psyche with his home, architecture, routine, home furnishings and interior items. The information obtained and the conclusions drawn on its basis are applied to information about modern ideas about the interior, housing and space.

The article is based on the idea that any actions that an individual performs with his home, any events that occur with the place where he lives, as well as objects, technologies and style features that surround him, have their own interpretation, which is always relevant to what goes on in the unconscious of that individual.

Keywords: psychoanalysis, life drive, death drive, maternal symbols, psychosexuality, mother's womb, home, shelter, interior, architecture.